

УДК 341.213.4

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОСТРОЕНИИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

И.Г. Горбачев

Аннотация

В статье анализируется территориальное и этнонациональное в федеративном государственном устройстве, их соотношение, а также проявление данных составляющих в построении и функционировании Российского федеративного государства.

Ключевые слова: государственное устройство, федерация, территориальная и этнонациональная составляющие в федеративном строительстве, Российская Федерация.

В полиэтническом обществе, каковое, несомненно, представляет собой Россия, принципиальное значение приобретает отражение территориального и этнонационального в институциональных основах федерализма. Как известно, одной из особенностей российской модели федеративного устройства государства является то, что формирование Федерации произошло на основе двух принципов – административно-территориального и национально-государственного, с учетом национальной составляющей, которая, бесспорно, переливается разноцветием палитры. Не вдаваясь в оценку того, почему и как это произошло, будем исходить из сочетания двух принципов как данности.

Мировой практике известны два основных способа политического решения этнических проблем. Один – ассимиляторский способ, согласно которому все нетитульные национальности, проживающие на территории данного государства, должны знать и использовать язык, культуру титульного этноса, максимально адаптироваться к ним, проявлять лояльность к национальным особенностям государства постоянного их проживания.

Второй способ основывается на признании и реализации политики социокультурного плюрализма, равенства прав наций на самостоятельное развитие и создание собственной национальной государственности. При этом, составляя единое многонациональное сообщество, народы могут жить вполне и сотрудничать в рамках одного государства, лояльность к которому следует рассматривать в качестве одного из проявлений патриотической настроенности людей независимо от их этнической принадлежности. Но для этого нужно не только признание, но и реальное уважение национального многообразия.

Единственной политической формой, способной отразить это этническое многообразие, является федеративное государство, которое имеет возможность одновременно обеспечить единство жизнедеятельности народов в рамках одно-

го государства, их сплочение в единое многонациональное сообщество и реализацию их коллективных прав, включая законное право на создание собственной национальной государственности.

По существу, общепризнанной в международной политической науке является идея о том, что федеративное устройство государства служит своего рода щитом, защищающим национальные меньшинства. На наш взгляд, не должно вызывать возражение мнение, согласно которому «чем сложнее по этническому составу население страны, тем более необходим ей федерализм, ибо при этом сочетаются права на самоопределение и единство, целостность государственности» [1, с. 236].

В самом деле, существует объективное противоречие между двумя равно признанными принципами международного права – принципом самоопределения наций и принципом территориальной целостности государства. Согласно международным нормам, каждый народ имеет право на самоопределение и в силу этого права свободно устанавливать свой политический статус. Но таким статусом может быть и независимое национальное государство. Реализация права на самоопределение в такой форме привела бы к распаду или существенному нарушению территориальной целостности Российского государства. Учитывая одновременно и полиэтничный характер российского общества, и право народов на самоопределение, и заинтересованность основных групп общества, включая этнические меньшинства, в сохранении целостности России, самым разумным выходом из указанного противоречия следует признать самоопределение компактно проживающих в ее границах народов и создание ими национальной государственности в рамках единого федеративного государства.

Наш собственный и международный опыт свидетельствует о том, что поддержание жизнеспособности соответствующей нации, ее языка и культуры практически невозможно при отсутствии национальной государственности, хотя сбрасывать со счетов национально-культурную автономию, думается, нецелесообразно, а возможно, и вредно, поскольку она способна как поддерживать исторически сложившийся контур государственного единства в условиях развития федеративных отношений и соблюдения интересов всего российского многонационального народа, так и учитывать необходимость этнического самовыражения. В этом плане заслуживают внимания интересные рассуждения Т.Я. Хабриевой [2, 3]¹. Следует особо подчеркнуть, что органичное вплетение национально-культурной автономии в существующую структуру российского федерализма отнюдь не свидетельствует о реализации двойного стандарта в отношении разных этносов. Имеющиеся в литературе рассуждения об исторической судьбе народов, зависевшей от наличия у них своей государственности [5, с. 106, 116], абсолютно не способствуют укреплению единства наций и народностей, проживающих на территории одного государства, Российской Федерации в особенности.

Поскольку в полиэтническом обществе федеративное устройство государства, помимо других функций, призвано отразить интересы этнических общно-

---

¹ В этой связи представляют интерес и суждения О.Е. Кутафина в его объемном монографическом исследовании, посвященном российской автономии (см. [4, с. 703–767]).

стей, невозможно согласиться с теми, кто утверждает, что учет национального принципа несовместим с федерализмом. Так, Л. Смирнягин полагает, что «федерализм задуман для того, чтобы совместить преимущества крупного государства с выгодой самостоятельности территориальных общностей людей, которые согласно принципам федерализма в условиях демократии обладают неотъемлемыми и равными правами решать свои насущные проблемы самостоятельно по месту проживания». Что касается национального вопроса, то он «решается в принципе внутритерриториально, так как решение адресуется всем входящим в данную нацию вне зависимости от места проживания в пределах страны, поскольку их права защищаются во всех точках страны вполне одинаково» [6, с. 36–37]. Трудно понять, чего в этом рассуждении больше: наивности (этнические права отдельного человека защищаются в любой точке страны одинаково) или непонимания того, что наряду с правами человека и гражданина весь мир признает коллективные права социальных, и в том числе, а может быть, прежде всего, этнических, общностей.

Вообще приходится с сожалением констатировать, что в России на рубеже XX – XXI вв. сформировалась определенная позиция отдельных исследователей, которые либо вовсе не замечали полиэтничный характер страны, либо всячески стремились приуменьшить значимость этнического фактора в жизни российского общества в целом и в сфере федеративного строительства, в частности ([7–9] и др.). Более того, создается впечатление, что для них этнический вопрос, когда признается его существование, – это главное зло, с которым столкнулась и продолжает сталкиваться Россия, и главный источник противоречия в развитии Российской государственности¹.

Между тем сам по себе этнический фактор еще не создает противоречий и межэтнических конфликтов. Наиболее благоприятной питательной почвой для последних служит хроническая нерешенность социально-экономических проблем, «возрастание запросов мобильных групп», рост «конкуренции за дефицитные места», неумение и нежелание органов власти брать на себя ответственность за решение возникающих проблем. По мнению Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробичевой, «в чистом виде этнических конфликтов быть не может. Конфликт между этническими общностями происходит не из-за этнокультурных различий <...>, а потому, что в конфликтах обнажаются противоречия (но не просто различия) между общностями людей, консолидированными по этническому принципу» [13, с. 16].

В последние годы российское общество стало свидетелем обострения межэтнических противоречий в ряде регионов на обширной территории постсоветского пространства. Эту ситуацию никак не назовешь случайной. Она связана с целым комплексом объективных и субъективных причин. По мнению Ю.В. Арутюняна, «обострение национальных отношений может иметь двоякое проявление – институциональное и личностное. И то, и другое находятся во взаимодействии, постоянно влияют друг на друга» [14, с. 58].

Противоречия и конфликты в сфере межэтнических отношений возникают вследствие пренебрежения этническим фактором, а, следовательно, этнически-

---

¹ На ошибочность такого взгляда уже указывалось в отечественной литературе (см. [10–12]).

ми общностями, их интересами и правами, а также в результате ошибочной национальной политики государства или отсутствия таковой. На словах признается, что «национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет отражать все многообразие интересов народов России, иметь в своем арсенале четкие механизмы их согласования» [15]. Однако, на наш взгляд, такие механизмы как раз и не выработаны.

Этнические общности устойчивы, потому что через них удовлетворяются важнейшие интересы людей, в том числе в области государственного строительства. Интегративную и нормативную функции выполняют национальная психология и этническое самосознание. Этнические стереотипы, символы и ориентиры выполняют когнитивную функцию, обеспечивают индивиду восприятие внешнего мира. Этничность выполняет ряд инструментальных функций, способствуя реализации важнейших групповых и индивидуальных целей политико-экономического и социально-культурного порядка [16, с. 120].

По причине недооценки или сознательного пренебрежения этническим фактором и значением его учета в российском политэтническом обществе выдвигаются различного рода проекты «губернизации» России, направленные на искусственную деэтнизацию государственности. При этом вряд ли просчитываются все возможные, вплоть до трагических для государства, последствия попыток внести изменения в федеративное устройство России на базе ликвидации национальной государственности нерусских народов. И здесь нельзя не согласиться с В.А. Тишковым, когда он пишет, что «...в России бессмысленно и опасно производить демонтаж республик и возвращаться к делению территорий на сугубо административные. Но, с другой стороны, нельзя и провозглашать то или иное государственное образование принадлежностью только одной национальности, хотя признание особого положения культуры основного народа на данной территории и в данном государственном образовании допустимо» [17, с. 60–61].

Перекраивание границ субъектов Российской Федерации в русле «губернизации» страны означало бы фактически и юридически лишение нерусских народов национальной государственности, то есть того, чем дорожит в высшей степени и не может не дорожить любая нация. Как точно заметил Николай Бердяев, «всякая нация по здравому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветению, к раскрытию себя в истории <...> нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью. <...> Всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здравый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая дух нации» [18, с. 96–97, 102]. По Э. Геллнеру, известному международному авторитету в области проблем наций и национализма, причина стремления к обретению каждой национальной культурой государственных границ связана с огромной ролью информации, языка, всего многообразия современной национальной культуры для социального положения в обществе. «Государства стремятся совместить свои границы с границами своих культур и защищать, и внедрять свои культуры в пределах своей власти» [19, с. 23, 126–127]. Добавим к этому, что нация может сохраниться только в том

случае и только до тех пор, пока сохраняет свою государственность. Вот почему призывы к созданию национально-культурных автономий вместо национальной государственности не только отражают стремление понизить политический статус наций, но объективно они направлены на создание условий для исчезновения так называемых национальных меньшинств. Ведь никакая национально-культурная автономия не может сохранить преимущества национальной государственности компактного проживания титульной нации на определенной территории.

Одновременно федеративная форма государственного устройства позволяет разумно сочетать этнические и территориальные интересы, интересы национально-государственных и административно-территориальных образований. На наш взгляд, один из отечественных исследователей проблем федерации М.В. Столяров справедливо подчеркивает, что «российский федерализм являет собой сегодня симбиоз территориальных и национальных интересов. Такой характер федерализма придает ему культурно-политическое многообразие в рамках интегрированного многонационального государства». Поэтому «для российской практики федеративного строительства важным направлением остается поиск формулы полиэтнического согражданства, создание государственных и политических институтов, гарантирующих полноценное соразвитие этнических культур, социального организма, государства и личности» [20, с. 76–77, 82].

Институциональное признание закономерности существования национальной государственности населяющих Россию народов, а также сочетания двух принципов построения российской модели федеративного устройства – национально-государственного и административно-территориального – отнюдь не ведет к какому-то ограничению прав субъектов Федерации, образованных по административно-территориальному признаку, поэтому вряд ли имеют под собой веские основания суждения о необходимости повысить статус областей до республиканского уровня. Это ложная по своей сути проблема.

Действительно, в 1990-е годы некоторые области и края предпринимали попытки провозгласить себя республиками (уральской, дальневосточной). Подобные устремления объяснялись тем, что наиболее сильные в экономическом отношении регионы нуждаются в дополнительных правах. Таким образом эти регионы пытались противодействовать излишней концентрации полномочий на уровне федерального центра, бездействию федеральных органов власти в решении важнейших социальных проблем, гарантировать себя от последствий зачастую непродуманной политики проведения реформ, в разработке которой они не принимают участия, но последствия которой всегда в первую очередь ощущают на себе.

Кроме того, в России много регионов с полинациональным составом населения, таких, как Самарская, Челябинская, Нижегородская, Екатеринбургская и другие области. Для решения внутренних межэтнических и межконфессиональных проблем им уже сейчас нужны дополнительные полномочия, в отличие, скажем, от Белгородской или Воронежской областей, которые являются в большей степени мононациональными. Однако примерно такие же проблемы стоят перед республиками, и поэтому цель заключается не в том, чтобы противопоставлять указанные выше области республикам, а в том, чтобы совместно

добиваться расширения полномочий тех субъектов Федерации, которые могут взять на себя более значительную ответственность за решение региональных проблем, исходя из принципа субсидиарности. Совершенно прав Н.П. Медведев, когда утверждает, что «оптимизация федеративных отношений не преследует цели «губернизации» республик или, наоборот, «республиканизации» краев и областей. Своеобразие российского федерализма состоит в сочетании территориального и национального начала и их консенсусного развития» [21, с. 112].

Несостоятельными являются попытки увязать беды Российской Федерации с децентрализацией властных полномочий, «суверенизацией», количеством субъектов Федерации, их разным статусом. Тем самым реальные проблемы подменяются мнимыми. В самом деле в настоящее время угроза федеративным отношениям в России идет не со стороны субъектов Федерации (хотя до недавнего времени ее существование в виде многочисленных нарушений единого экономического и правового пространства, несоответствия между федеральным и региональным законодательством, ослабления вертикали власти действительно было фактом, и в этом в значительной мере были повинны регионы, а точнее, их руководители и местные политические элиты, возомнившие себя вершителями судеб страны). Главную угрозу федеративным отношениям до недавнего времени представляли общесоциальный кризис российского общества, чрезмерная концентрация власти в руках федерального центра и сопутствующее этому ограничение полномочий субъектов Федерации, новый дисбаланс в федеративных отношениях. Сегодня парабола федеративных отношений неуклонно направлена вверх с изменением экономического и социально-политического облика России. В отечественных социальных науках, особенно в правоведении и политологии, исключительно большое внимание стало уделяться защите прав и свобод человека и гражданина. Столь большой интерес к индивидуальным правам и свободам понятен и совершенно оправдан. Однако практически не уделяется внимание, на наш взгляд, столь же важной проблеме *коллективных* прав и свобод, в том числе прав и свобод этнических общностей. Между тем коллективные права неразрывно связаны с индивидуальными правами личности, которые подчас могут реализовываться именно в форме коллективных прав.

Кроме того, сочетание индивидуальных и коллективных прав, их равная защита является фактором стабильности полиэтнического общества. Как справедливо отмечают Х. Линц и А. Степан, «сочетание *коллективных прав* национальностей или меньшинств в многонациональном, поликультурном обществе и государстве с *охраняемыми государством правами индивидов* является, наверное, наименее конфликтным способом артикуляции демократической политики, не нацеленной на создание нации-государства (*non-nation-state policy*)» [22, с. 25]. Учитывая многонациональный характер российского общества, очевидно, не было бы лишним при разработке новой Конституции Российской Федерации вслед за второй главой – о правах и свободах человека и гражданина – включить главу третью о коллективных правах и свободах народов России.

К коллективным правам этнических сообществ, по-видимому, относятся право на самоопределение и создание собственной национальной государственности; право на национальное равноправие; право на сохранение и укрепление

этнической идентичности, традиций, образа жизни; право на сохранение и развитие национальной культуры и языка; право на участие в управлении государством, общим для проживающих на его территории народов, на региональном и федеральном уровнях; право свободного определения собственной конфессиональной принадлежности; право на достойную жизнь; право на честь и достоинство, на отношение без дискриминации. Если делать ударение на приоритете прав человека, то не следует забывать, что одним из важнейших среди этих прав является право человека на национальную самоидентификацию.

Эти коллективные права нельзя отделять стеной от индивидуальных прав, поскольку, будучи членом соответствующей этнической общности человек кровно заинтересован в осуществлении коллективных прав, через реализацию которых он удовлетворяет свои личные потребности и интересы. Само собою разумеется, что реализация коллективных прав, с одной стороны, должна быть беспрепятственной, с другой – она не должна наносить ущерб ни коллективным правам других общностей, ни законным индивидуальным правам и интересам личности.

Одна из самых больших проблем в области федеративного строительства в полиэтничном обществе – это институциональное представительство этнических интересов не только на региональном, но и федеральном уровнях. В Российской Федерации оно отсутствует. Представители от субъектов Федерации в Совете Федерации являются представителями населения регионов, а не этносов и, соответственно, выражают прежде всего интересы регионов, но не специфические этнические интересы. Поэтому, возможно, следует создать в рамках Федерального Собрания третью палату с правом совещательного голоса либо авторитетный Совет национальностей при Президенте России.

В полиэтничном обществе в ином плане предстают и некоторые демократические принципы, например такое правило, как принятие решения большинством голосов. Если общество является полиэтничным с явным преобладанием одной этнонациональной группы или биэтничным, как в Канаде (независимо от соотношения численности обеих этнических групп), применение принципа большинства при решении вопросов, затрагивающих интересы таких групп, ведет к возникновению ситуации, в которой всегда были бы одни и те же победители и проигравшие.

Поэтому вполне справедливы и актуальны слова, что «система простого большинства всегда была бы великим соблазном для самой мощной этнической группы злоупотреблять своим большинством и контролировать все государственные институты для того, чтобы дать привилегии этническому большинству и дискриминировать и эксплуатировать этническое меньшинство. Каждый политический вопрос определялся бы этническими интересами и превращался бы только в этнический вопрос. В мажоритарной системе, зависящей от этнических партий, этническое большинство стало бы постоянным победителем, а меньшинство было бы обречено на то, чтобы быть в постоянном проигрыше. Поэтому этнические группы никогда не согласились бы признать систему, которая может легитимно дискриминировать их до уровня граждан второго сорта» [23, р. 5]. Один из уроков швейцарского опыта федерализма заключается, по мнению Л. Басты, в выживании мультиэтничных обществ только в случае,

если «все соответствующие группы чувствуют себя «победителями» [24, р. 67]. Эта точка зрения разделяется и некоторыми отечественными учеными. Например, Г. Королева-Конопляная считает, что «необходимо уйти от централистского принципа большинства в решении вопросов через разделение властей и дополнить его разумной моделью, в духе партнерства... Когда речь идет о судьбах сообщества, его не может определять большинство. Каждая отдельная культура, языковая, религиозная группа как целостность должна быть уверена в правах с другими... независимо от своего размера» [25, с. 221–222].

В связи с этим возникает проблема: либо признать за каждой этнической группой право вето при решении вопросов, затрагивающих их коренные интересы, либо решать эти вопросы путем достижения консенсуса или квалифицированным большинством самих групп.

Полиэтнический характер общества обуславливает необходимость применения принципа пропорциональности при занятии должностей кадров государственного управления. Например, в Швейцарии неписаный закон требует, чтобы из семи федеральных советников не менее двух были из франко- и италоговорящих регионов. Различные этнолингвистические группы более или менее пропорционально представлены во всех важнейших органах страны. Хотя не более 10% населения Швейцарии говорит на итальянском языке, но он имеет такой же статус, что и французский (на нем говорит 18% населения) или немецкий (на нем говорит около 70% населения) языки. Этот равный статус языков означает, в частности, что все федеральные законы переводятся и публикуются на трех языках; все три языка считаются равными при толковании содержания закона; граждане могут писать или обсуждать вопросы с федеральными властями на своем родном языке.

Иная ситуация сложилась в России. В отечественной литературе высказывалось мнение, что «сегодня большая часть руководящих кадров в республиках сформирована не по профессиональным и деловым качествам, а по принципу принадлежности к «титальной национальности» [26, с. 73]. Если такие утверждения соответствуют действительности, то это только часть правды. Точно таким же принципом руководствуются при подборе кадров на федеральном уровне: принадлежность к определенной нации является важным критерием допуска в состав руководящих кадров.

Теоретические рассуждения о необходимости учета этнического фактора в федеративном строительстве не отменяют, однако, реального факта: на сегодняшний день ни одна федеральная структура не представляет многочисленные нации России, что лишний раз подтверждает невнимание федеральной власти к проблемам этнических общностей и объясняет отсутствие у федерального центра взвешенной национальной политики.

Summary

I.G. Gorbachev. The Territorial and Ethnonational Components in Construction of the Russian Federative State.

The article gives an analysis of the territorial and ethnonational components in a federal state system and their correlation with each other, as well as the impact of each viewed component on the current construction and functioning of the Russian federative state.

Key words: state system, federation, territorial and ethnonational components in the federative construction, the Russian Federation.

Литература

1. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф.* Опыты федерализма. – М.: Республика, 1994. – 492 с.
2. *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2003. – 256 с.
3. *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в системе российского федерализма // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 5–10.
4. *Кутафин О.Е.* Российская автономия. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. – 768 с.
5. *Фарукишин М.Х.* Федерализм. Теоретические и прикладные аспекты. – М.: Юристь, 2004. – 527 с.
6. Федерализм и региональные отношения (Опыт России и Западной Европы: Приложение к журналу «Этносфера». – М.: Центр «Этносфера», 1999. – Вып. 1. – 574 с.
7. *Лысенк В.* Федерация в начале XXI века. Централизация политической власти при децентрализации экономических полномочий регионов // Незав. газ. – 2000. – 11 апр.
8. *Тишков В.А.* О нации и национализме // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 30–38.
9. *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. – 2000. – № 5. – С. 32–54.
10. *Козлов В.* Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. – 1996. – № 6. – С. 98–108.
11. *Мнацаканян М.О.* Этносоциология: нация, национальная психология и межнациональные конфликты. – М.: Анкил, 1998. – 392 с.
12. *Тадевосян Э.В.* Этнонация: миф или социальная реальность? // Социол. исслед. – 1998. – № 6. – С. 61–68.
13. *Ил Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социол. исслед. – 2000. – № 4. – С. 11–21.
14. *Арутюнян Ю.В.* О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект // Социол. исслед. – 1999. – № 4. – С. 58–62.
15. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: Утв. Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 3010.
16. *Мнацаканян М.О.* Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире // Социол. исслед. – 1999. – № 5. – С. 118–127.
17. *Тишков В.А.* Пути и механизмы предотвращения и трансформации этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / Гл. ред. Е.И. Степанов. – М.: Центр конфликтологии РАН, 1994. – Вып. 7. – С. 57–72.
18. *Бердяев Н.* Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 285 с.
19. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
20. *Столяров М.В.* Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма и регионализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. – Казань: Фэн, 1998. – 303 с.

21. *Медведев Н.П.* Институт консенсуса и проблемы федерализма в современной России // Конституционно-правовые проблемы развития российского федерализма / Под ред. Л.А. Иванченко, В.Ф. Калиты. – М., 2000. – С. 107–124.
22. *Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократизация // Полис. – 1997. – № 5. – С. 9–30.
23. *Fleiner Th.* Federalism and Multi-ethnicity: Paper presented at 17th World Congress of the IPSA, Seoul, August 17–21, 1997. – Seoul, 1997. – P. 3–12.
24. *Basta L.R.* Minority and Legitimacy of a Federal State. An Outsider Perception of the Swiss Model // Federalism and Multiethnic State: The Case of Switzerland. – Fribourg, Suisse: Institute du Federalisme, 1996. – P. 61–79.
25. *Королева-Конопляная Г.* Проблемы определения статуса субъектов федерации в условиях конфликта. Международный опыт и Россия // Федерализм. – 1999. – № 2. – С. 214–238.
26. *Алферова Е.В.* Судьба России – федерализм (обзор) // Федерализм, региональное управление и местное самоуправление. Вып. 4: Современный федерализм: состояние и тенденции развития / Отв. ред. вып. О.Е. Кутафин. – М.: РАН ИНИОН, 1999. – С. 66–91.

Поступила в редакцию
31.03.08

Горбачев Иван Георгиевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского государственного университета.